

Оригинал здесь: http://dugward.ru/library/griboedov/aihenv_gore.html.

Одинокое произведение Грибоедова, в рамке одного московского дня изобразившее весь уклад старинной жизни, пестрый калейдоскоп и сутолоку людей, в органической связи с сердечной драмой отдельной личности, - эта комедия с избытком содержания не умирает для нашего общества, и навсегда останется ему близок и дорог тот герой, который перенес великое горе от ума и оскорбленного чувства, но, сильный и страстный, не был сломлен толпою своих мучителей и завещал грядущим поколениям свое пламенное слово, свое негодование и все то же благородное горе.

Знаменитая пьеса "держится каким-то особняком в литературе" и, по известному сравнению Гончарова, похожа на столетнего старика, "около которого все, отжив поочередно свою пору, умирают и валятся, а он ходит, бодрый и свежий, между могилами старых и колыбелями новых людей, и никому в голову не приходит, что настанет когда-нибудь и его черед".

Несомненно, этот черед увядания и смерти настал бы и для грибоедовского творения, если бы, прежде всего, не замечательный рисунок пьесы, который, при всей незаконченности, до сих пор увлекает своим изяществом. Почти все фигуры написаны тонко, четко и, как хорошо заметил Борис Зайцев, сухо, т. е., можно добавить, аристократически-сухо, без той мещанской сочности и маслянистости, которая могла бы заставить краски расплыться и перейти в пятна. Все время перед вами blanc et noir, гравюра, и чувствуется не кисть, а игла, осторожная, уверенная и смелая в руке артиста-аристократа. Несмотря на комизм слов и положений, на все эти падения и подслушивания, - тона везде благородные, нет лишнего, все сжато, шарж не внешний, а внутренний, и смешное в то же время строго; во всяком случае, оно нигде не переходит в тривиальное. Диалог, живой, блестящий, скорый, движется непринужденно и грациозно, и каждый раз вспыхивают, как чешуя змеи, красивые искры остроумия, и точно скрещиваются перед вами гибкие рапиры. Вообще, много острого, умного, колкого. У Грибоедова не стиль, а стилет.

Затем, для бессмертия спасает комедию то, что она - не только общественная сатира и картина нравов. Ведь нравы меняются, и положительные идеалы сатирика-обличителя находят себе, хотя бы и медленное, осуществление. "Горе от ума" потому простерло свою художественную силу далеко за исторические пределы своей эпохи, оно и теперь потому сохраняет свежесть и красоту, что дает не только бытовую, временную страницу, но и, под своей старинной оболочкой, в нарядах и убранстве отжившей моды, хранит своеобразное отражение вечных типов литературы, отвечает на исконные стремления и тревоги человеческого духа. Эту двойную ценность, историческую и общую, имеет комедия Грибоедова.

И первую сторону ее с особенным блеском и редкой осязательностью показал на своей сцене Московский Художественный театр. Он воссоздал орнамент и стильную раму для грибоедовских портретов, дал археологически точный сколок с внешней жизни двадцатых годов. Перед зрителями прошла живая старина во всей характерности своих костюмов, привычек, обстановки; то, что мы видели только на старых изображениях, облеклось в плоть и кровь, задвигалось и заговорило. Это было очень любопытное зрелище, прекрасная человеческая живопись - тем более привлекательная, что относилась она к эпохе, которая и литературно близка нам, и по внешним особенностям своего быта еще не так далеко ушла от нас, чтобы производить впечатление чего-то холодного и незнакомого. Есть особые чары и пленительность в наивной картине такого отжившего, которое еще недавно жило и оставило свои отпечатки, свое теплое дыхание, на родственной современности. Вся эта мебель, уборы, пожелтевшие дагеротипы и даже этот пока еще безмолвный, пока еще "с чувством, с толком, с расстановкой" не читающий Петрушка, невозвратно вошедший в русскую литературу со своим классическим разодранным локтем и благодаря ему, все эти немые свидетели и пережитки отлетевшей жизни, - все это уже не наше, но еще не чужое, каким является, например, обстановка "Царя Федора". И если бы эти вещи, этот барский дом, лакей с чулком в руке, эти девушки в старомодных прическах, с начесами, жили на полотне, на картине Сомова, а не вели эфемерного и призрачного существования на подмостках сцены, то перед нами было бы воплощенное художественное воспоминание и веял бы дух старой, но не стареющей красоты.

Итак, в эту внешнюю форму вложено содержание, которое определенный момент из жизни русского общества синтетически претворило в сюжет общечеловеческий. Ибо пьеса Грибоедова на свое название комедии имеет, конечно, только историко-литературные права; по существу же она - глубокая трагедия, и роковая невзгода, постигшая Чацкого, представляет собою лишь частичный отзвук мировой